

Расшифровка интервью

Дата: 18.08.2022

00:00:07

Я жду, думаю, вопросов...

00:00:08

Вы ждете «хлопушку»?

Нет, нет. Жду, думаю, с чего начинать.

00:00:14

С начала.

Родилась я в Литве. Деревня Суяйняй [Sujainiai], Расяйну районас [Расейнский район], там называется Расяйну район. Город Расяйний [Расейный?]. Сейчас он так [называется]... Это недалеко от Каунаса, города Литвы. Мама Бабонене Антося Юльевна. Отец Бабонас Станислав Праанаса. Ну, нет отчества в Литве, у литовцев нет отчества. В 1948 году вывезли. Отец до того был... Он сопротивлялся режиму советской власти, руководитель был «лесных братьев» или подполья какого-то, не знаю. Его расстреляли в 1947 году. А маму с тремя детьми... У мамы было трое детей: старший брат Бронислав, я следующая и Альберт, которому было тогда семь месяцев от роду. Всех нас сгребли, повезли в город Игарку Красноярского края, порт Игарка, в Заполярье. Это было в мае месяце 1948 года. На то время мне было пять лет. А Альберту было семь месяцев, он родился в 1947 году, в октябре. В мае 1948-го нас уже вывозили из Литвы. И вот на станции кто-то сказал маме: «Зачем ты едешь с тремя детьми? Пусть старший убежит, если есть к кому». И вот он прямо от станции, не знаю уж каким путем (подробности... Что-то мама мне никогда ничего не рассказывала вообще об этом, как-то разговор не заводили никогда), убежал, и вырос он в Литве, у маминой сестры. Мамина сестра там осталась. А мы приехали в Игарку, в Красноярск нас привезли на поезде, в общем вагоне. Я, конечно, смутно помню, что как-то куча народу, все как-то на полу... Ну, кто где устроился, в общем, так как-то ехали. Но мама как-то умудрилась — везла нас, маленьких детей, и везла с собой швейную машинку. Она была очень хорошей портнихой. И вот когда месяц целый еще в Красноярске стояли, в этом вагоне жили... Как мы выжили, тоже не скажу. Ждали, когда вскрыется Енисей. И потом уже нас на теплоходе — в июне, начале июня где-то, 1948 года, — нас привезли в Игарку. Есть фотографии, вот это мы в Игарке. Мама вот. Тут даже отмечена Игарка, и где-то тут, можно разобрать, она простым карандашом писала: сорок [восьмой]. Вот нас в этот дом поселили. Хотели поселить. Вот это мне пять лет, младшему брату семь месяцев, восьмой. И вот мама такая, ей 29 лет от роду. За дорогой измучились, конечно, все. Но нас приютила русская женщина, Панина Мария, тетя Маша, помню, Панина. У нее самой шестеро детей было, и вот она нас взяла к себе, и мы у нее длительное время жили, но мама потом... Уже и дети взрослые, дали нам какой-то дом или... Но в этом мы не жили, вот который на фотографии. Где-то на берегу реки, Трудовая, 3, был адрес, помню. Жили на берегу реки, дали нам дом этот. И мама пожизненно, сколько она в Игарке жила, и тетю Машу, и всю ее семью обшивала. Но выжили мы, конечно, в Игарке только за счет того, что у мамы золотые руки и она всё-всё-всё вообще умела шить. И верхнюю одежду, и нижнее белье, и вообще всё. И строчила даже сапожки какие-то ватные и себе, и людям. Вот это всё делала. Выжили за счет этого. Трудно было, конечно. Помню, мама сошьет кому-то чего-то, деньги она не брала. Несут, кто пол-литра молока, кто яиц, кто картошки, две-три картошины — вот я помню это даже — несли за шитье: «Сделай»... Что-то детям или кому-нибудь. И так вот... Альберт, конечно, очень был слабый. У него развивался рахит. Я помню даже, одна женщина... Вот тут вот на фотографии она на другой есть. Это уже мне тетя с Литвы прислала, это когда уже вывозили литовцев, перезахоронение делали, уже началась перестройка и всё вот это вот. Такая есть фотография. И вот она [та женщина] сидит — я ее всю жизнь помню, лицо ее. Альберт был настолько слаб, что она сказала, что, мол, «что ты с ним мучаешься, кинь его в помойное ведро». Можно было ребенка в помойном ведре утопить, настолько был он слабый. Ну, я постарше, может, поэтому вот... И вот такая вот фотография. Тут вот тоже вывозили, две женщины. Вот тут двойняшек хоронят в Игарке. Также в первый же год они умерли, их вывезли. А эта женщина, вот она, тут у нее двое детей стоят, с нею рядом. Вот это я, вот мама моя с Альбертом на руках, хоронят вот этих детей.

00:07:07

А кто фотографировал?

Ну, люди фотографировали — были из Литвы, видимо, литовцы же фотографировали. Литовцы же и фотографировали, с фотоаппаратами, фотографировали, да. Посылали в Литву фотографии эти. Так что люди гибли. Работали, там же строился еще и начинал работать лесопромышленный комбинат в Игарке. Таких вот строителей привезли на стройку лесокомбината этого. Потом он, конечно, задействовался и был как бы даже... На импорт лес сплавляли, вывозили теплоходы в Игарку долгое время. Сейчас Игарка развалилась, она не стала сейчас как таковая, как порт, ее не стало. А вот раньше, я даже уже взрослая, ну как, в школе училась, у нас были эти... Теплоходы приезжали — и даже в Англию, везде за границу вывозили лес, по Енисею сплавляли. А строили-то вот это — такой народ, как мы, как я, пятилетний ребенок.

00:08:29

В каком году вы родились?

В 1943-м. 1943 год.

00:08:38

Безотносительно ГУЛАГа, что вы про себя — или какие-то ваши, пускай смутные, первые воспоминания, — что вы помните? Вот самое первое.

Ну, самое первое, я даже не знаю, что сказать. Даже не знаю. У меня почему-то всё стерлось в памяти самое первое, я даже не помню, как мы оказались... А фотографии есть. А я вот не помню такого, как мы оказались около этого дома. Ну, сошли, видимо, подвезли нас, наверное, как-то или что. Как-то всё стерлось в памяти, и, не знаю, ничего такого. Ну вот про жизнь в Игарке тоже особо... Ну, помню, что почему-то всё с Альбертом больше связано, я переживала за него, видимо. Помню, что он у нас болел, что надо было ухаживать за ним. Мама работала. А я оставалась с ним, нянчилась. Пятилетний ребенок нянчился с братом уже. А про себя — я в школу пошла, у нас там очень много было всех национальностей. И все хорошо друг к другу относились. В классе были и поляки, и эстонцы, и латыши, и литовцы, и немцы, и калмыки, и казахи. Кого только не было. И вот у нас по соседству даже жили. Потом уже тетя Эмма, немка, вышла замуж за Бориса — как-то, я уже забыла, [как] его [звали]. Он казах. Моя мама вышла замуж за поляка, Сондонтанасу. Потом уже всё это [началось], а так, не знаю, каких-то особо сильных [впечатлений], чтоб что-то такое запечатлелось, у меня нет в памяти ничего. Слишком много впечатлений, наверное, было по дороге, что потом, когда приехали уже, всё... Но вот из Литвы еще помню: когда отца расстреляли, — потом уже было сказано, — привозили специально детей, приводили на расстрелянных этих родителей [смотреть], потому что многие не признавались, не хотели опознавать, чтобы не быть... Вроде нет родственника среди мертвых. Я помню, маму со мной привели туда, на площадь какую-то. Отец лежит. Но это точно запечатлелось, как фотография. Отец лежит, и вот у него так шарфик на сторону откинут, и вот он лежит. Но я не помню, я кинулась к нему или не кинулась. Не знаю.

00:11:34

Что вы помните про отца? Живого, неживого, вообще, какие ваши воспоминания про отца?

Единственное я помню, что куда-то в землянку, видимо, мама приходила со мной, и [там] все бородатые, и все эти мужчины как бы со смехом [говорят], мол: «Ну вот где твой отец? Узнаешь ты его?» А я вроде бы к отцу кидалась и говорила, что «самый красивый мой папа». И всегда к нему кидалась, узнавала его. Ну, это вроде как и помню, вроде как и мама рассказывала это. Даже не знаю, то ли это мои воспоминания, то ли это мне мама рассказывала.

00:12:21

Литовская жизнь — хоть что-то вспоминается?

Да особо нет. Только тут, когда уже в отпуск приезжала в Литву, уже всё. Уже мама переехала, в 57-м году же их освободили. И они дожили с отчимом моим до его пенсии и переехали в Литву в 67-м году. Ну потом мы уже приезжали в Литву в отпуск. А так я же, ну пять лет, ну что там я могу вспомнить? Ничего. Помню, как брат... Вот это я помню, да. Единственное, тоже помню, что мама всегда отправляла меня с ним как бы погулять, это чтоб он за мной следил, старший брат. А он меня к дереву привязывал, чтоб я не убежала. Вот это я помню, чтоб я не убежала, а сам с мальчишками убежит играть куда-то.

00:13:21

За ногу привязывал или как?

Вот да, так вот посередине привяжет — и всё. И стою, жду его.

00:13:34

Вот на этой площади, где лежат расстрелянные мужчины, много ли этих мужчин было?

Много было, да, много. Ну как, я не знаю, сколько их, ну около десятка, наверное, было, около десятка.

00:13:50

Народ, который привели или... Я, наверное, [так] понимаю, что согнали?

Ну да, опознавать, да.

00:13:58

Много ли этих людей?

Ну вот это я не скажу, я не помню. Я знаю, что я с мамой стояла, мама меня за руку держала, я смотрела на них. Ну и отца своего видела, помню, что вот он лежал, шарфик в клеточку откинутый в сторону был.

00:14:21

Вот это опознавание происходит в 1951 году, правильно?

Нет, почему? В 1947-м, его в 1947-м расстреляли, в октябре или в ноябре, не помню.

00:14:35

То, что он командир «лесных братьев», откуда вы знаете?

А это я в архиве прочитала. В Литве в архиве, мы с архива брали материалы дела его — и вот прочитала. Там написано, что он руководитель, с 1944 года даже руководил подпольным этим отрядом.

00:15:00

То есть эта информация никогда в семье не звучала?

Нет, нет, нет.

00:15:05

Что вам мать рассказывала про отца вообще?

Ничего, ничего. И даже будучи уже в Литве, взрослая, я ей задавала вопросы, она всегда отнекивалась, отмахивалась, рукой махнет — и пошла молча, [мол] «не надо говорить об этом». Ничего.

00:15:28

Фотография отца не стоит дома? Нет, не сейчас, тогда.

Нет-нет, нет, не было.

00:15:38

В разговорах — «девочка, кто твой папа, где твой папа?» — что вы отвечаете?

Ну, просто умер, всё. Ну, я-то знала, что расстрелянный. Я всё время знала, что... С детства знала, что отца расстреляли. Вот это я знала, это точно я знала, что отца нет и всё.

00:15:59

На вопрос детский для самой себя: отца расстреляли, кто расстрелял отца? — как себе отвечали на этот вопрос?

Я не задавала себе этот вопрос, наверное, и не отвечала никак. Потому что нельзя было говорить на эту тему, и, наверное, даже не задавался этот вопрос, как и кто. Правда. Мама всё

время молчала, ничего не говорила. Даже не затрагивалась эта тема никогда. А если что-нибудь спросишь, то мама сразу замолкала — и «не надо тебе этого знать», всё.

00:16:40

В семье говорят на каком языке?

На литовском.

00:16:44

Вы знаете литовский?

Знаю.

00:16:47

Вы его живым знаете? То есть вы можете говорить на нем или только читаете?

Могу говорить и читать.

00:16:54

Спокойно общаетесь?

Спокойно.

00:16:57

На литовском разговаривала мама и уже прибыв в Якутию [имеется в виду Игарка]?

Да, в Игарке разговаривали на литовском. Будучи даже замужем за отцом, отец поляк, но он как бы из Литвы поляк, он тоже литовский язык знал, мы все говорили на литовском.

00:17:15

В каком году мама второй раз выходит замуж?

Где-то, сейчас скажу, где-то в 1950-м, наверное. В 1951-м, вот так.

00:17:27

Помните ли вы эту свадьбу, если была свадьба?

Да нет, не помню. Не помню. Нет. Наверное, свадьбы-то не было, просто сошлись да и жили. Но потом они зарегистрировались, конечно, они когда переехали в Литву, у нее фамилия уже была Сундене, не Бабонене, а Сундене. Отец Сонда, отчим, я его отцом звала, потому что своего не помню, он хороший человек был.

00:17:59

Сейчас, если вы можете представить отца, фамилия, имя, отчество, в каком году он родился? Полностью, если можно.

Мой родной отец?

00:18:10

Родной отец.

В каком году он родился? Он на семь лет младше, значит он в 1912 году родился, мама в 1919-м, он в 1912 году. 1912 год.

00:18:24

Фамилия, имя, отчество?

Бабонас Станиславас Праано.

00:18:36

Фамилию вы носили его?

Да, Бабонайте была. Бабонайте.

00:18:41

Всегда?

Ну да, до тех пор, пока не вышла замуж, за Сергеева, первый муж был у меня Сергеев, второй вот Пятунин.

00:18:56

Вот вы говорите, что вы звали второго мужа мамы отцом. Ваше детское восприятие: вот был вначале один отец, теперь это второй отец? Вы его воспринимали отцом? Сразу приняли, не сразу приняли, как?

Как-то сразу. Ну правда, он какой-то был очень хороший человек, он очень хорошо к нам относился. Меня, помню, всё время по голове погладит. «Эля», — говорит. Он меня не называл по-литовски, он же поляк, и для него я была Эля почему-то, Эля всегда. Он хорошо к нам относился, хорошо к маме относился, хорошо, так всё спокойно было, жили нормально. Ну, может, я какое-то время не называла его отцом, а потом вот как-то стала называть, не знаю. И я помню, и Альберт звал его отцом. Но он-то младше меня.

00:19:58

На каком языке стали разговаривать в семье, когда появился второй муж у мамы?

На литовском, он же с Литвы.

00:20:07

То есть он тоже говорил по-литовски?

Да-да-да, он же с Литвы, он же тоже [оттуда]. Мы вот в Расяйний [Расейняй] город, Расяйнский район [Расейнский район], а он... Радвилишки есть город, Радвилишкский район, и он вот с этого Радвилишкского района, но они соседи, Расяйну [Расейняй] и Радвилишкис, недалеко друг от друга города. Мы ездили, когда приезжали в отпуск, и в Радвилишкис ездили, и в Расяйну, потому что тетя, мамина сестра, жила в Расяйну [Расейнский район], деревня Щадово. Вот мы туда ездили.

00:20:52

Игрушки, вы помните какие-то свои первые игрушки?

Игрушки мама нам сама шила, куклы. Раньше же продавались пластмассовые головы. Вот мама эту пластмассовую голову [купит], куклу сделает, нам сошьет, всё как положено, и ручки, и ножки ватой набьет, платьице сошьет, голову эту пристроит — и кукла натуральная. Тогда ж не было игрушек каких-то таких, чтобы нормальные куклы были, красивые, фабричные. Вот мама такие нам делала. Голову купит, одну, и всё, на плечи наденет. Хорошие были куклы; красивые, помню, у меня куклы были.

00:21:36

Одежда, любимые платья, нелюбимые платья, зимой как вас одевали, во что одевали?

Во что? Нас хорошо одевала мама. Вот у меня даже есть фотография, это [мы] маленькие, видите? Вельветовые... Вот мама в вельветовом платье, ой, [не] вельветовые, это фланелевые, фланель же раньше была. Вот фланелька в клеточку, вот у меня платьишко, видите какое? И мама сидит, вот она. Ну она портниха была, она очень такая, хорошо нас одевала, всё шила сама: и пальтишки нам сошьет, и всё. Альберту курточки, всё, она всё сама шила. А вот это литовская фотография со старшим братом еще, в Литве мы. Старший брат, я и мама.

00:22:33

Когда вы оказались в Якутии...

Нет, не в Якутии, это Игарка, Красноярский край.

00:22:39

Игарка, извините. Писала ли мама домой письма?

Обязательно писала.

00:22:45

Получали ли вы письма?

Писала, обязательно писала, и получали. Там же сын мамин, мой брат, рос у тети. Была переписка, да. Ну не знаю, я не скажу, кто их там проверял, да никто не проверял эти письма, не проверяли, наверное, не помню такого. Но писали, да, писали.

00:23:05

То есть вы не помните таких штампов на письмах?..

Нет, нет, не помню.

00:23:09

...«Просмотрено цензурой»? Не было такого?

Нет, нет.

00:23:14

Ходила ли мама отмечаться куда-то?

Да, первые годы, да, ходила. Первые годы ходила, отмечалась, а потом, я не скажу, как она сумела, но она вообще почему-то потом на работу не ходила. На работу не ходила, шила только на дому. Как она смогла? А первые годы, пока замуж не вышла, она отмечаться ходила, и на работу надо было обязательно ходить, даже независимо от уважительной причины — маленький ребенок же, не с кем было оставлять, оставляла со мной, а на работу обязательно надо было ходить и отмечаться. А вот потом, когда она вышла замуж... Единственное, я помню, что она почему-то боялась, что если вдруг придут проверить, она боялась шить на дому. Она всё время закрывшись шила. Если кто постучит, она быстро всё прятала, убирала, потому что могли как-то ее наказать за это, что она на работу не ходит, а шьет, зарабатывает таким путем. Боялась шить почему-то. Вот тоже не скажу почему. Но знаю, что тогда эти, наверное, ОБХСники, или как их называют, раньше вроде ходили проверяли.

00:24:39

А они приходили к вам домой проверять? Вы помните этих людей, проверяющих?

Нет, нет, ни разу, не помню, не знаю, не были. Но мама боялась, я знаю, что мама боялась шить. За закрытыми дверями все время шила, боялась, что вдруг кто-то придет.

00:24:58

Вот эта женщина, которая вас приютила, вы сказали, как ее звали?

Панина Мария.

00:25:06

Были ли у нее дети, была ли у нее семья? Как вы жили, дружно, не дружно?

Была семья, мужа почему-то я не помню, был муж или нет. У нее было шестеро детей, шестеро детей. У нее было свое хозяйство, была корова. Молочко свое было. А вот про мужа я что-то не помню, мне кажется, у нее не было мужа. Вот она нас приютила.

00:25:32

У вас была отдельная комната или нет? Или угол какой-то?

Я не помню, вот это не скажу. Я знаю, что мы у них жили, а как мы жили? Наверное, что-то отдельное было. Что-то отдельное, наверное, нам выделили, конечно.

00:25:50

Как долго вы у нее жили?

Наверное, с год мы жили. С год, я помню, что долго жили. Мы даже научились, я научилась по-русски говорить, у них живя. После того как мы отделились, я уже хорошо говорила по-русски.

00:26:06

А вы отделились куда?

Маме как-то дали дом. Частный дом.

00:26:14

Целиком? Большой?

Ну, небольшой. Там была комната одна, кухонька небольшая. И всё. Ну, коридор, из коридора входишь — сразу комната. Одна комната, тут всё. Ну и кухонька небольшая. Мы там долго прожили. Даже туда, мама замуж вышла, и отец туда пришел, в этот дом. А потом мы получили уже по Пролетарской, 18, второй дом. Такой уже большой, уже две комнаты, кухня хорошая была. Тоже давали как-то. Дома были построены. Небольшие. Кто там вначале жил или не жил, я тоже не знаю. Но это от лесокомбината, лесокомбинат устраивал как-то народ. Надо было устраивать. Вот нам вот этот дали дом. Там, мама как рассказывала, что в этом доме и окна были разбиты, и дверей там не было как таковых. Мама не согласилась. Мы у этой Паниной жили, и нас переселили туда, на Трудовую, 3.

00:27:27

В этом доме заводится хозяйство? Держите ли вы скот, огород? Как это всё устроено?

Да, мама держала. Всё время держала свиней, всё время. Растила свиней. Был участок небольшой около дома, земли. Мама всегда сажала там зелень. Потому как там дни длинные, в Игарке, считай, ночи, наоборот, нет летом. Как-то всё успевало вырастать. И даже картошка вырастала, хотя была такая жидковатая, не очень вкусная. Я помню ее вкус. Но всё равно мама и картошечки немножко сажала. Огородик.

00:28:10

Детские обязанности какие у вас есть? Что вы должны сделать за день?

Обязательно были детские обязанности, обязательно. В стайке почистить надо было, опилок привезти. У нас там ДОЦ был, помню, цех деревообрабатывающий. Мы туда за стружками ездили. Это [опилки] меняли, надо было поросенку это поменять. Прополоть, мама меня заставляла прополоть грядки. Ну, так помогали маме все время. Когда уже подросли побольше, так воду носили с протоки. Я воду носила даже — полную бочку пока не натаскаешь с девочками. Соберемся все группой, ходим, подростки. Полную бочку налить воды надо. Так что, ну так. Помогали, конечно, как не помогать маме.

00:29:04

Стоят ли дома иконы какие-то?

Ну, у мамы была, да, иконка. У нас это, как она, Дева Мария всегда стояла.

00:29:17

Мама католичка?

Католичка, да.

00:29:10

Учила ли она вас молитвам?

Да, да.

00:29:24

Как это происходило?

Ну, как? Там у нас даже были... Приезжали... Какие-то эти... Ксёндзы, как назвать их? Приезжали к нам в Игарку и часто собирались на молебен какой-то. Крестили нас. Ну, меня-то в Литве крестили, а потом были причастия. Приедет католический поп, и вот он собирал народ, проповеди читал. И у меня, — я не принесла фотографию, — есть у меня там даже [фотография]: причастие проходили, я уже взросленькая такая. Стоим все с молитвенниками в руках, со свечечками. Так вот. Интересное такое фото есть. В Игарке. А так вот... Сами дома, мама всегда... Перед Рождеством или что собирает стол, всегда обязательно... Перед Рождеством, перед тем как сесть за стол и начать рождественскую трапезу, как говорится, — всегда молитва. Мама всегда читала молитвы.

00:30:40

А как же она всё-таки учила вас молитвам? Ну, учила же? Ну как, вот вы сиделись учиться? Или она просто молилась и вы повторяли за ней?

Повторяли, конечно, повторяли, и всё. Ну а молитвы какие? Обыкновенный Отче наш.

00:31:00

На каком языке?

На литовском, на литовском.

00:31:05

Вы идете в школу. В каком году? Как эта школьная жизнь устроена?

Так, я в школу пошла в 8 лет, это в 1951 году я пошла в школу. Ну, как устроена, я ж теперь не скажу. Обыкновенная школа.

00:31:25

Какое это здание?

Ну, двухэтажное было, длинное. В школу номер один я ходила сперва, потом в четвертую перешла. Тоже двухэтажные здания деревянные. Там же город Игарка весь деревянный. Там мостовые [деревянные], деревянные тротуары для пешеходов, деревянные для машин дороги. Всё деревянное было там. И вот школа, деревянная школа, двухэтажная. По одну сторону классы, другая сторона — коридор. Ну как, длинный коридор, по одну классы сторону. И всё. Ходили, да. А в школе нормально все относились друг к другу ученики, нормально, никогда как-то не дразнились, не обзывались. Наверное, потому что все, я говорю, национальности все были, просто все. У нас даже в классе полная география.

00:32:27

Правильно ли я понимаю, что в классе у вас были и ссыльные, и местные жители?

Да, местные.

00:32:34

Были ли, например, дети сотрудников НКВД, милиционеры, такие дети были в классе?

Я не знаю, я не знаю. Я не знаю, правда не знаю, не помню даже. Ну, мы и не вдавались. Ну дети да дети, что мы там, откуда мы знаем, ребенок он НКВДшного работника или руководителя какого-то такого. Мы не вдавались в это дело, дети. Детям это надо было разве? Нет, я не знаю. Может, и были, но я не знаю.

00:33:02

Висел ли портрет Сталина в школе?

Обязательно.

00:33:06

Где висел?

Ну, висел, я не помню где. Он, по-моему, я помню... Сейчас класс вспомню. Он висел с правой стороны. Если так вот в класс [зайти], то с правой стороны висел, да.

00:33:22

Какие-то линейки проходили, политинформация, чему вас обучали? Не только предметам, но и какой-то советской идеологии.

Ну, как и везде, как в русских школах, в российских школах во всех. Пионерами были, я тоже была пионеркой. Вступала, невзирая на то, что я литовка, вступала в пионеры, и комсомолкой я была. Всё это было, и все эти дела. Пионерские линейки, костры пионерские проводились в залах. Помню прямо в зале костер, да, помню, накрывали там, как-то вот у нас прямо в зале были костры пионерские. Всё как положено, как в СССР было, так и там было, всё так.

00:34:16

Как делилось время? Город жил... Или вот уроки как заканчивались, кто давал звонки? Звонок как-то звенел?

Ну, от руки, прямо от руки звенел звонок, не было электрического звонка, конечно. Звенели, ходила уборщица или техничка, не знаю, кто она там у нас была.

00:34:38

К скольки вы ходили в школу, во сколько начинались уроки?

Мы ходили к восьми в школу, к восьми, в восемь часов.

00:34:46

Преподавали ли вам иностранный язык?

Да, английский, немецкий.

00:34:52

Кто были учителя? Были ли это ссыльные или были не ссыльные?

Нет, не ссыльные, учителя были не ссыльные. Кончали вузы, приезжали на работу в Игарку. Преподавали нам иностранные языки.

00:35:10

Игарка такое пространство — в 1947-м и практически до 1955 года — это такая зона лагерей.

57-го, да.

00:35:23

Сталкивались ли вы с лагерниками, как к ним относились?

Так он же закрытый [город], с лагерниками какие там [встречи]? У нас не было, тюрем не было в Игарке. Только если уже освобожденные приезжали какие-то, опять же, там надо же было заключать договора, как они назывались, забыла, как назывались договора? По найму на работу?

00:35:50

Вольнонаемные, эти люди назывались вольнонаемными или на вольном поселении оставались.

А там таких, чтобы лагерников, сильно не было. Я помню, у нас культурные были люди, артисты были. У нас драмтеатр даже открывался, он какое-то время работал. Потом его сожгли. Вот это я помню. А так чтобы таких страшных людей, лагерников, у нас не было. Там мы сами лагерники считались. Всех, которых привезли, туда свезли. А так, тюрьмы там не было никакой. Ну, какой-то был... Потому что даже в этой статейке пишут, видимо, где-то при милиции, наверное, или как. Или, может, что-то было, КПЗ какое-то, да? Что женщина вот на похороны отпросилась, вот этих двойняшек [похороны], и пропустила работу. За это ее наказали, посадили там на сколько-то дней куда-то.

00:36:57

За то, что она хоронила детей и не была на работе?

Да, не была на работе, да. Пропустила работу.

00:37:07

1953 год, умирает Сталин, помните ли вы это?

Да, помню, что-то очень все плакали.

00:37:13

Плакала ли мама?

Нет, нет. Моя мама вообще не очень плакала. Она какая-то жесткая такая была, всё в себе

держала.

00:37:25

Как в семье вообще про политику говорили? И говорили ли?

Нет, нет, нет. Вообще не говорили. Ну, может быть, родители между собой что-то говорили, но при детях вообще не говорили об этом. При детях — нет.

00:37:42

Меняется ли жизнь ваша до, — вот вы как-то жили до смерти Сталина, потом Сталин умирает — после смерти Сталина? Что-то происходит?

Ну как-то я не знаю. Ничего особого не происходило. Единственное, что были рады все тому, что уже появилась возможность съездить в Литву.

00:38:04

Когда она появилась, эта возможность?

Ну, вот после 1957 года, в октябре, да, в октябре, по-моему, 1957 года. А вот в 1958 году, мама в 1959-м уже вот поехала в отпуск в Литву, оставила нас с отчимом дома и сама поехала в гости. И уже сердце болело, надо было на сына посмотреть, брата моего старшего, как он там вырос, во что.

00:38:32

Правильно ли я понимаю, что мама и отчим уехали в Литву?

Ну, дождавшись, когда отец на пенсию пойдет, поехали в 1967 году. Десять лет еще прожили после того, как освободили.

00:38:51

А сразу не поехали почему?

Ну, вот только по этой причине, что решили, что надо хоть одну пенсию заработать. А отчим был постарше мамы на 14 лет. И они решили, что надо с какими-то деньгами вернуться в Литву, чтобы было на что жить, чтобы была пенсия.

00:39:13

Ездили ли вы в Литву?

Ну после, да. Ездила, уже будучи замужем. Я первый раз поехала в Литву в семьдесят... Слушайте, это 1967-й, мама уехала, да. Я в 1966-м вышла замуж, в 1970 году первый раз я поехала в Литву.

00:39:44

Вы вышли замуж за литовца или за русского?

За русского. Мама была очень против, но где взять литовца? [Звонит телефон] Пускай.

00:39:57

Да скажите, поговорите.

Не, не надо.

00:40:00

Нет? Мама была против, тем не менее вы остаетесь. Рождаются ли у вас дети в этом браке?

Да. Жили в Омске, старшая дочь родилась в Омске. Я по распределению училась в техникуме, в Улан-Удэ еще, надо сказать, что с Игарки уехала в техникум. Улан-удэнский электротехникум связи, на почтового работника [училась]. Оператор почтовой связи считалась специальность. Это я вечернюю школу кончала, работала почтальоном в Игарке, и вот мой начальник откуда-то взял информацию, что в Улан-Удэ открывается техникум. Первый набор был в 1961 году. И вот я в 1961 году, закончив 10 классов, поехала поступила в Улан-Удэ, закончила техникум, по

распределению попала в Омск. В Омске встретила мужа своего, там дочь родилась, Оля, старшая, в 1968 году.

00:41:08

Оля знает литовский язык?

Нет, никто не учил, ни старшая, ни младшая [не знают]. Ну так, они кое-что понимают, улавливают. Сейчас вот внушка моя больше литовский язык знает, чем дочь.

00:41:26

Вы сказали, что вы заканчивали вечернюю школу, почему?

А просто что-то захотелось как-то мне. Многие у нас в этот год, многие пошли в вечернюю школу. Мальчишки, девчонки, и я за компанию пошла. Захотелось работать и зарабатывать деньги, родителям, наверное, помогать или как, я не знаю.

00:41:48

Хотели ли вы учиться, получать высшее образование?

Ну, закончила техникум, нет, потом как-то не было уже стремления учиться дальше. Техникум закончила, вышла замуж, дети пошли уже. Больше не хотелось учиться. Но не задумывалась над этим, другие были уже заботы.

00:42:15

Когда вы в каких-то анкетах оформляли, ну, писали, в графе «Отец» что вы писали?

В графе «Отец» ничего не писала, наверное. Как я могу писать в графе «Отец», что я могу писать? Фамилию?..

00:42:29

Ну, вы писали отчима или отца, которого расстреляли?

Ну у меня в свидетельстве о рождении же родной мой отец, да, да-да. Конечно, отца писала.

00:42:42

Когда вы сказали, что то, что он руководитель «лесных братьев», отряда, вы узнали, ознакомившись с его делом. Когда вы решили знакомиться с его делом? И это было ваше решение или кто-то в семье сказал, что нужно этим заниматься?

Нет, это было наше решение. Мы с дочерью поехали. Это мы в каком году в Литве были? В 2017-м, да? Ну вот, в 2017-м, в 2017 году. Это мы вот ознакомились с делом. Будучи в Литве, на курсах литовского языка, мы решили с дочерью сходить в архив и почитать, познакомиться. Хоть что-то, хоть какую-то информацию получить об отце. Но там информации тоже очень мало.

00:43:33

Там мало информации — вам просто не дали ознакомиться со всем делом? Что-то закрыли?

Я не знаю, а кто скажет, что там закрыли что-то? Принесли маленькое вот такое, чуть потолще вот этих, несколько листочков. Три-четыре листочка — всё дело, в корочках. Всё, очень тоненькое.

00:44:00

Фотография была ли там отца?

Нет. Никаких фотографий. Никаких. Ни живого, ни расстрелянного, никакого.

00:44:10

Что вы из этого дела узнали, чего вы не знали до того, как его прочитали? Что нового там было написано?

Ну вот, я вообще ничего не знала. Что он был руководителем этого подпольного отряда. Что

расстреляли его просто так, без суда и следствия. Что оказалось, что мама моя была как бы как связная. Что к ней, значит, приходила... сотрудничала женщина с этими, с КГБшниками. Ее имя, подпольное или как оно считалось, как сказать-то... Гражуле, «красавица» значит. И вот эта «красавица» у мамы каким-то путем — пишут, что ложным путем — вывела у мамы, где стоянка этих «лесных братьев». И навела туда этот отряд КГБшников. А они, увидев, что их окружают — или как там, я уже забыла, как там написано, — они стали выпрыгивать в окна. И их стреляли каждого, как дичь, на бегу. А потом свезли на площадь для опознания, чтобы каждый сознался, кто есть кто, чей, из этих расстрелянных мужчин. А сколько их там было, написано, сейчас бы вспомнить, четыре или пять человек, там, где они скрывались. Хотели убежать, но никто не убежал. Это в деле всё. Конечно, я этого ничего не знала. Тоже литовка, и работала с органами. К маме пришла, как-то мама рассказала, видимо, я не знаю, как там получилось, что она вывела у мамы. Но в этой [бумаге] пишут, что имя этой сотрудницы с органами, кличка была или как сказать, Гражуле.

00:46:51

Отец был реабилитирован?

Нет. А кто добивался этой реабилитации? Никто не добивался.

00:47:01

А мама была реабилитирована?

Ну мама, конечно, она вот как ссыльная была, и реабилитировали. Приехала она, восстановили в Литве во всех своих правах. Только тогда же был СССР, она ничего не могла добиться, ни своего хозяйства, ничего. На месте маминой усадьбы, мне тетя показывала, МТС была тогда, машино-тракторная станция, как она называется. На месте маминой усадьбы. Мы когда маму хоронили, в Литве хоронили, и мы когда с похорон ехали, тетя мне говорит: «Вот мамина усадьба, сейчас МТС там». Мама умерла в 1983 году, не дожила до перестройки. А так бы, если бы дожила, может быть, могла бы землю вернуть себе, всё. Мы тоже в 2017-м году когда были в Литве, мы интересовались этой землей. Но там сейчас всё надо через суд, как наследница. Но они там единственное, что мне сказали, что на такую фамилию, как Бабонене, мамина земля, запросов не было на землю, на участок. Единственное, что сказали, что если хотите, мол, подавайте в суд, и вам легче будет вернуть землю, потому что там не частная постройка была какая-то и никто не занял этот дом, допустим, ваш. А раз государственное — МТС — было предприятие, то легче, мол, будет вам унаследовать.

00:48:50

То есть мама денежной компенсации никакой не получила?

Никакой, конечно, 1983 год, мама уже умерла. Это же еще Советский Союз.

00:49:00

Получили ли вы какую-то денежную компенсацию?

Нет, нет, нет. Мы не добились. Я поздно, во-первых, узнала, ну тоже было недосуг, наверное. То дети учились, то... Я статус репрессированной только получила в 2002 году. Удостоверение и всё. И вот после этого мы, правда, слышали, что существуют литовские общины, что можно получить литовский паспорт, но мы как-то очень долго искали — и вот до 2013 года. В 2014 году я получила литовский [паспорт], литовское гражданство, литовский паспорт. И уже как бы сейчас я имею возможность, но опять же — и финансовых возможностей нет, и ехать туда не знаешь как, где в Литве жить. И родственников уже нет, и тетя моя умерла, которая единственный была родственник, с которой я после смерти мамы связывалась. Переписывались долго, до ее смерти, она в 2008 году умерла. Как-то так получилось, что когда мы приезжали в Литву, мама старалась... Даже с такими словами: «Ой, слава Богу, приехала, я хоть поезжу по родственникам». И вот нас оставляла на хозяйстве, хозяйство немаленькое было, там и то и другое, по мелочи всё, и корова, и поросята, и куры, и утята. И вот мы оставались, а она ездила. И почему-то как-то не знаю своих родственников, даже близких. Мамины двоюродные сестры, много на похоронах было, много народу, но вот я не знакома была с ними. И во время похорон почему-то ни с кем [не познакомилась], не до этого, видимо, было мне, и как-то ни адресов не взяла никаких, ничего, и сейчас пыталась искать, ну что-то вот, писала письма по тем адресам, которые мне тетя дала. Я перед ее смертью попросила, чтоб она мне дала там двоюродного брата в Каунасе, в городе, адрес, она мне прислала. Потом дядин адрес, мамино брата, тоже в Расяйну он жил. И по этим адресам написала письма, но и письма не вернулись, и ответа не получила.

00:51:39

Брат, который тогда сбежал, который всё-таки рос пускай в советской, но Литве, и

вы, живя в Игарке, по менталитету вы близки или это все-таки люди, выросшие в разных, ну как, с разным взглядом на мир?

С братом история такая. Он там жил до... Сейчас я вспомню, в каком году он приехал. Он, наверное, в 1958-м или 1959-м году приехал в Игарку к нам. Вырос, приехал в Игарку, и из Игарки его забирают в армию. В армии он служил на Чукотке, три года тогда служили, он три года отслужил в армии, приехал опять, вернулся в Игарку. В Игарке женился, я уже в эту пору училась в Улан-Удэ, потом уже жила в Омске. Он в Игарке женился, не пожилось ему, переехал в Красноярск, в Красноярске поступил в институт лесотехнический. Закончил институт этот, потом переехал, женился на другой женщине, и переехали они с ней в Кызыл, это Тыва, [в Тыве] город. И вот получается, что мы с ним никаких контактов не имели, ну, переписывались, письма писали, и в 1977 году он умирает.

00:53:14

То есть мама его пережила даже?

Угу.

00:53:19

Такой странный вопрос. Если вы не знаете на него ответ, но, может, как-то эта тема возникала. История еще отцовская, этого расстрела и сотрудников, которые вас ведут опознавать. Эти люди, сотрудники, это литовцы или это русские? Это война гражданская, это одни литовцы выясняют отношения с другими литовцами? Или это всё-таки репрессии советские, это пришли люди других национальностей?

Я не смогу сказать, потому что, ну, про этих людей именно. Кто там именно привел нас. Да мне кажется, литовцы, наверное, кто там, неужели русские жили там? Наверное, литовцы, но дело-то вот почему-то всё на русском языке написано, там вот упоминаются русские эти, зачищали когда, русские, расстреливали, фамилии русские.

00:54:27

То есть литовская фамилия только связной вот этой дамы, которая рассказала, где находился отряд?

Да-да. Вот она литовка. Ну а именно какой народ был на этой площади, кто нас привел туда, я не скажу, это литовцы или русские. Так думаю, что, наверное, литовцы. Неужели там сотрудники были русские в те годы? Ну не знаю я, я не скажу.

00:54:53

Лично у вас были какие-то проблемы в том, что вы дочка отца, который боролся с советской властью? Вот лично у вас были какие-то неприятности или что-то?

Нет, проблем не было, не знаю, не было. Ну я даже помню, в комсомол поступала как-то, боялась — думала, спросят про отца. Но почему-то и вопросы не задавали, вступила же я в комсомол, хотя могли меня не принять, да. Но была комсомолкой. Нет, не было проблем в этом отношении, не было. Только сама почему-то всё время стеснялась как-то, «враг народа», «враг народа», так с этим клеймом живешь и до сей поры. Я даже шучу иногда, тут как-то со своими этими женщинами. Ну не буду, это ерунда.

00:55:45

Ну скажите. Не понравится [нрзб].

Нет, она это... Ну, получаем мы доплату, вот мы репрессированные, у меня 470 рублей, 470 рублей вот эта доплата репрессированным. А у нее, она как ветеран труда, она получает 580 с чем-то там рублей. Ну я смеюсь, я говорю: «Ты же, — я говорю — ветеран труда, а я-то репрессированная, враг народа».

00:56:14

А вообще эту формулировку, враг народа, вы когда услышали и когда запомнили?

Да с детства самого, с детства как-то. Ну потому что мы же знали, что нас вывезли из Литвы как врагов народа. Пусть это на литовском...

00:56:29

Какого народа?

Ну литовского народа, значит, раз из Литвы вывезли. Получается, так, мы понимали так. Народа какого? Из Литвы вывезли нас, мы враги народа. Какого народа? Вот именно даже, задать себе вопрос надо было тогда еще: какого народа? Получается, что литовского народа, а как можно против литовского народа, если за Литву отец не хотел советской власти в Литве? А враг народа. Мы враги народа, клеймо было. Вот абсурд какой-то, получается.

00:57:17

Вы дали прекрасное интервью, мне так кажется. Вера Михайловна, как вам кажется, нужно ли мне что-то еще спросить, что не рассказали?

Ну, она, в общем, всё рассказала.

00:57:28

Я ничего не знаю, что рассказать, я особо ничего не знаю, говорю. Потому что всё это молчание, этот запрет, это табу было, и ничего нам не говорили, детям, ничего. Я и говорю, даже нас вывезли, — вот еще скажу хорошее, наверное, — вывезли нас, и когда мама вернулась в Литву, вот маму называли кацапкой. Почему? Местные жители относились к маме не очень. Она как будто... Ну те, которые жили всё время в Литве, которые... Мама выехала уже, 20 лет, считай, прожила, 19. С 1948-го по 1967-й. И приехав в Литву, мама стала кацапкой. Кацапка, что это за кацапка? Мне так обидно было. В деревне даже, мама в деревне жила, у отчима они там [жили], у отчима моего был дом на двух братьев. И вот они жили когда, до того как отчима сослали, — и не по причине, что он враг народа, а его раскулачили, у него 40 гектаров земли было, раскулачили его и сослали, — и вот он вернулся, и он эту вторую половину дома как-то у местной власти там попросил освободить. А жена, — того-то тоже, брата его, не было в живых, — а жена заняла весь дом и не хотела нам давать. И вот она тоже к маме плохо относилась. Вроде того, что от нее там отняли кусок дома. Хотя он был построен на две половины: в одной половине один брат, в другой половине другой брат жил со своей семьей.

00:59:32

Я не знала, что кацапка в значении «не-литовка», потому что для меня кацапка — это «не-еврейка».

Ну не знаю, у нас кацапы, как они считают, и украинцев называют кацапами. Но то, что не литовка, значит, кацапка.

00:59:48

Я просто замужем за евреем, и когда меня представили старшему поколению, старуха повернулась [и говорит]: «Кацапка». И я была кацапкой, не еврейка.

Ну потому что не еврейка, наверное. Ну да. Ну вот, так же вот.

01:00:08

Не своя.

Ну может быть, даже этой кацапкой называется, как это пошло, может быть, потому что в Литве тоже очень много евреев, очень много евреев живут. Особенно в Вильнюсе, около Вильнюса очень много евреев, и вот, может быть, это от евреев пошло, что не еврей, то кацап.

01:00:30

Да, или вот мы начали наш разговор про цыган. У цыган вообще есть только национальность цыган и не-цыган. Там нету, есть цыган, рома, и гой, не-цыган.

И вот как-то это к маме. И родственники, которые относились к маме хорошо, а вот почему-то со стороны... Вот я сейчас, между прочим, часто так размышляю об этом. Думаю, не потому ли, что как-то получилось, что мама сказала это, где скрывались эти «лесные братья», и это доложила дама, «красавица». А маму, наверное, со стороны отца родственники считали, что она его выдала, что из-за нее его расстреляли. И как-то мама со стороны родственников отца, как-то не общалась со стороной [отца], надо сказать. Ну, общалась с некоторыми, но близкие родственники, даже сестра моего отца, как-то... Была, я знаю, что она есть и была, и даже где-то там вот у меня фотография хранится, но они как-то не общались.

01:01:56

А вы знаете, где отец похоронен?

Нет, нет, нет. Вот жалею очень, думаю, надо как-то, не знаю, как это найти и где это можно найти, не знаю.

01:02:13

То есть вы думаете, что могила отца всё-таки существует, всё-таки родственники как-то?.. Либо просто их где-то зарыли и никак они не отмечены?

Я не знаю, я даже не знаю, я недавно тоже об этом думала, думаю: почему я никогда не спросила, когда ездила в Литву, где могила отца? Но я думаю, если бы был он похоронен отдельно, я думаю, что мама бы показала. Потому что мы ездили бабушку, на могилу бабушки, мама показывала, я знаю, где похоронена. Есть город Ведукли, там церковь рядом, от этого Ведукли недалеко кладбище, и вот там [похоронена бабушка]. И мама моя там похоронена сейчас, на кладбище в Ведукли. А вот я думаю, если бы был он похоронен отдельно, я не думаю, что мама бы не показала. Отчима же похоронили, мама меня тоже водила на могилу к отчиму. Уж на могилу к отцу наверняка, думаю, сводила бы и показала бы.

01:03:17

Часто герои, которые рассказывают о ситуации, когда могила неизвестна, когда вот расстреляли или забрали и уже никто никогда не нашел никаких концов, делается такой... Они делают и рассказывают мне об этом, что как вот в Пивоварихе в Иркутске, или в Левашово в Петербурге, или в Коммунарке под Москвой, делается такой мемориал народный, когда ставится фотография, к дереву приматывается, потому что, может быть, он здесь похоронен. Или пишут имя отца или матери убиенной рядом с могилой родственников, которые реально похоронены. Просто, может быть, имеет смысл спросить у родственников отца, где они, если даже не на самом деле он похоронен, но просто где они его поминают? Потому что, если католики, в католичестве это важно, важная вещь, чтобы было некое место, где человека вспоминают.

Теперь надо еще родственников найти, если успею. Когда поедем в Литву?

01:04:34

Корона [коронавирус] кончится — поедем, но я думаю, всё-таки в архивах это дело зарыто. Мы там можем найти. Там есть: куда расстреляли, где закопали. Зоську убили, где ее похоронили? Им же ее не отдали, тело всё собрали и увезли.

01:04:46

Ну, в моем деле ничего не написано, где похоронен, где чего.

01:04:52

Надо в других делах искать, там есть, можно найти.

01:04:55

Не знаю.

01:05:00

Ну, в любом случае, какое-то материальное место, где поминают этого покойника, как правило, делали. Вот что я [нрзб].

Там есть где и сжигали, убивали, вот где мы были, мемориал показывали. Там даже есть и компьютер — ищешь. Там мы приходили, один пацан нашел своего деда, что там про него написано в этих местах, где их расстреливали. Ты ходила, мы там были. А где наших [искать], это надо в каком-то архиве всё-таки рыться. КГБ там есть архив, скорее всего там.

01:05:36

Вы не представили полностью маму в нашей истории. Могли бы вы просто сказать так же, как про отца: фамилия, имя, отчество? Отчества нет, просто фамилию и имя, когда она родилась?

Мама родилась в 1919 году в деревне Суяйняй [Sujainiai], Литовской. Расяйну [Расейнский] району. Фамилия Бабонене, Антося Юлиева [Юльевна]. Юлиса, надо сказать. Бабонене Антося Юлиса.

01:06:13

А вот вы сказали, что мама привезла швейную машинку. А вы что-то еще помните по тому, что привезла мама вообще?

Нет, только вот швейная машина и мы.

01:06:25

А это был «Зингер»?

Машина «Зингер» была. Ножная машинка «Зингер».

01:06:29

Ножная?

Ножная.

01:06:30

Она же тяжеленная.

Да-да-да, ножная машинка.

01:06:31

Там же станина эта чугунная тяжеленная.

И она перевезла ее, когда возвращалась в Литву, она опять ее с собой взяла. И когда мама умерла, я ее тете отдала. Уже тут история закончилась.

01:06:43

Но дело в том, что у нас папка тоже шил. У нас тоже машина «Зингер» была.

01:06:49

Ножная?

Да.

01:06:51

С вот этой станиной?

Она даже кожу шила. Она шила всё.

01:06:54

Всё шила, да.

01:06:56

И еще у нее лодочка и челнок, да?

01:06:58

Да-да-да, мама умудрялась, говорю, даже...

01:07:00

Лодочка и челнок. Я даже ее умею заправлять и шить.

01:07:05	Вот обувь даже шила, строчила из ваты...
01:07:06	Да, кожу шила только [нрзб], не то что сейчас наши.
01:07:08	...Прострочит, как вот телогрейку строчат, так она такие сапожки еще.
01:07:11	Да. И у нас «Зингер» была машинка.
01:07:14	А рядом охотник жил, зайцев стрелял. Вот она возьмет эти сапожки сделает. [Показывают фото] А это мне года два, наверное, три тут.
01:07:23	Дай посмотрю.
01:07:24	Бронька-то старше меня на пять лет. Он с 1938-го.
01:07:30	А вот отчим, который был раскулачен, он как-то про раскулачивание что-то говорил вслух вообще? Не, ничего не говорил. Не, ничего не говорил. Нет-нет-нет.
01:07:42	Это у нас заведено было. Если в семье кто-то что-то рассказывает, но мы все такие были. Попробуй выпытай где-то что-то на улице чтобы, ни за что. Люди с детства стали уже закаленные. И как бы как военные дети, да? Они сразу становятся взрослыми. И мы были взрослыми. Если где-то я чего слышала, я никогда ни налево, ни направо. Поэтому мы можем и не трепаться, можем и молчать, можем и тайны хранить. И никто не выпытает, если этого нельзя сказать. Но это пришло потом с пониманием как бы непонятного.
01:08:17	В статье тут пишут, что не пережили дети. Голода, холода, лишений. И умерли в один день, чуть один за другим. Через несколько минут.
01:08:32	Это кто, девочки? Мальчики?
01:08:33	Двойняшки. Не пишут.
01:08:37	А так-то по дороге же, когда эти вагоны-то останавливались, там же много выносили, и всё. С тех пор больше уже след пропадал, куда исчез покойник, который в поезде в этом, скотовозе помер. Больше никто про него ничего не знал.

- 01:08:51 А эту женщину сослали с четырьмя детьми. Двое двойняшек, еще двое детей стоят тут около нее. А вот это ее сестра. Она добровольно поехала, чтобы помогать, с ней. Вот это сестра, а вот это она. И двое детей около нее. А это я стою тут в шапочке. И мама с Альбертом на руках. Видите, какой малюсенький Альберт.
- 01:09:21 **Вы в шапочке, это вы где?**
Ну вот беленькая шапочка. Вот тут, в середине, это я.
- 01:09:28 **Да-да, вижу.**
Это я вот. А это вот этой женщины мальчик и девочка еще, двое. И двойняшки ее. А это ее сестра, это сама мать. А вот эта женщина говорила бросить в ведро моего брата, в помойное, чтоб не мучился.
- 01:09:50 **Я правильно запомнила, что эта женщина — Мария? Вот та самая, которая вас приютила?**
Не-не-не.
- 01:09:55 **Нет, не Мария?**
Нет, эта женщина, она приходила просто в гости к маме. Тут нету этой Паниной. Это все литовки тут стоят, все литовки. Все литовцы.
- 01:10:07 У нас папка хорошо обувь ремонтировал. Так вот...
- 01:10:11 Комнатушка-то маленькая была, тут же мама кроит, тут же уроки делаешь сидишь. И вот всегда это видела — как она кроила, как всё мерила, как всё это...
- 01:10:20 **Мама пела, пела, когда шила?**
Нет, нет. Моя мама очень молчаливая была, очень. Я не знаю, она такая молчаливая была. Вот она, на фотографии даже ее видно. У нее какое-то суровое такое лицо, не знаю почему.
- 01:10:40 **То есть с отчимом были больше доверительные отношения? Или он был добрее? Или он был открытее?**
Да, да. Он как-то открытее, ласковее, мне кажется. Мы от него больше ласки видели, чем от мамы. Мама нас все время... Подзатыльник там. Если уроки делаешь, сидишь, она сказала идти в магазин. Сразу не встал, не пошел, значит уже прилетело тебе. Надо идти сразу, выполнять то, что она сказала. Властная такая была и замкнутая.
- 01:11:20 **Слушайте, ну может, не выжили бы, если бы мама была более мягкой?**
Да, наверное, да. Наверное.
- 01:11:29 **А вот на этой фотографии, где двойняшки лежат, и прямо дети в первом ряду, так принято было прощаться? Вам не страшно было?**

Наверное, наверное. Да нет, наверное. Стою же спокойно вон. Ничего даже как будто. Я не знаю, почему нас брали. И ее дети стоят, и нас мама с детьми взяла. Но хотя вот там около мамы стоит женщина, у нее тоже дочка была, но она чуть постарше меня была. Она же ее не взяла, а мама взяла нас обоих почему-то.

01:12:11

Просто так много смерти вокруг, и так часто привыкали... Ну как, вы привыкаете на это смотреть.

Смертей было много, смертей много было. Там эти штабеля укладывали, кругляк, лес. Потом для переработки. Бывало, они разваливались, давило мужчин вот этими бревнами. Просто гибли люди первые годы очень. И умирали, как-то я не знаю, от болезней, заболеют, умрут. Дети. Помню, частые похороны были, вообще частые. Особенно взрослых почему-то людей. Я знаю, что многие по несчастным случаям были смерти. И так... Я как ребенок сейчас не скажу, не помню, по каким причинам они умирали, но похороны были очень часто. Перестройка когда началась, когда началась компенсация какая-то, мама могла бы получить и деньги, потому как она сама [репрессированная]... А нам денег никаких за то, что мы с мамой были, компенсации [нет] за ссылку.

01:13:29

Ну, Россия вам что-то всё-таки...

Ничего.

01:13:35

Вообще ничего?

Нет.

01:13:36

Ну как, получаем, 477...

01:13:38

Ну, 400, как реабилитированные.

01:13:40

77 рублей, 477 [рублей] вот у меня сейчас.

01:13:44

Ну, статус репрессированного, 477 [рублей] к пенсии нам добавляют. Ветеранам 500, а нам 400.